

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

Е.В. Винчковский*Российский государственный гуманитарный университет**г. Москва, Россия*

vinchkovskiy@gmail.com

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ: СЛУЧАЙ ИЗРАИЛЯ**[Egor V. Vinchkovsky Multicultural jurisdiction: case of Israel]**

It is carried out an analysis of the concept of «multicultural jurisdiction» on the example of political and legal practices of Israel. The position on segmenting the society into various ethnocultural groups with the provision of their own legal space is substantiated. There is a continuous trend towards normative consolidation of the special status of the Jewish people in the political community that is under discussion, which was reflected in the adoption of the new fundamental law in 2018 «Israel is the national state of the Jewish people». In connection with the publication of such legal artifacts, the multicultural policy of this state looks quite contradictory and is always on the verge of conflict between citizens with different ethnic, religious or halachic identities. Arguments are given about the uniqueness of Israeli segmentation, expressed in the fact that when there is a discussion about the need to formalize any traditional practices (as means of protecting them), the scientific community, as a rule, makes arguments regarding the protection of practices of national minorities, at the same time, Israel, conducting legalization of practices, for the most part, protects the practices of the Jewish community, in any case, its orthodox part. On the other hand, if we analyze not politically oriented basic laws, but lower our analysis to the level of specific relations between citizens, then family-marriage norms and practices have still remained to be the main indicator of the application of multicultural policies, and here the state of Israel takes significant steps to achieve equality not only between Jews and Arabs, but also religious and non-religious, halachic and non-halachic Jews.

Key words: multiculturalism, politics, marriage, ethnic groups, segmentation, Israel.

19 июля 2018 г. Кнессет Израиля принял новый основной закон «Израиль – национальное государство еврейского народа», статья первая которого закрепляет следующее: «Эрец-Исраэль (Страна Израиля) есть историческая Родина еврейского народа, в которой родилось Государство Израиль. Государство Израиль есть национальное государство еврейского народа, в котором он реализует свое естественное, культурное, религиозное и историческое право на самоопределение. Реализация права на национальное самоопределение в Государстве Израиль принадлежит исключительно еврейскому народу»

[13]. Данный нормативный документ стал еще одним артефактом разделения израильского сообщества, дал новый всплеск дискуссий относительно сегментирования этнических общин Израиля. В настоящей статье мы постараемся описать складывающиеся мультикультурные противоречия государства Израиль, влияние выбранной модели национальной политики на терпимость сообщества, и определить особенности мультикультурной юрисдикции, рассматривая израильские юридические и политические практики.

В начале отметим терминологию, используемую в исследовании. Классическое определение понятия «мультикультурная юрисдикция» раскрывается в книге А. Шахар «Мультикультурные юрисдикции: культурные различия и права женщин»: «В контексте мультикультурализма, юрисдикция означает широкий спектр государственных мер, предназначенный для содействия нормам и практикам социальных групп. Например, члены группы могут быть освобождены из-под действия определенных законов или руководство группы может быть наделено полномочиями в отношении членов общины. Мультикультурная юрисдикция в ее различных правовых проявлениях, как правило, имеет целью предоставить социальным группам возможность поддерживать свою уникальную культуру и юридический порядок (номос)» [16, р. 17]. А. Шахар, в основном, использует термин «identity group», который не имеет адекватного аналога в русском языке, поэтому в статье мы будем использовать термины «национальные меньшинства» и «этнические группы». Кроме того, в качестве аналога мультикультурной юрисдикции в исследовании используется понятие «модель сегментирования», которая также предполагает формализацию групп и делегирование им части публичных полномочий.

До принятия вышеуказанного закона Израиль уже имел значительный опыт издания нормативных документов, в которых выделялись конкретные этнические группы в качестве объектов государственного регулирования. Во-первых, особое положение еврейского народа подчеркивалось с принятием основного юридического памятника этой страны – Декларации независимости: «29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль. Ассамблея возложила на жителей страны обязанность самим предпринять все необходимые шаги к осуществлению этой резолюции. Это признание со стороны ООН права еврейского народа на создание своего государ-

ства незыблемо. Это естественное право еврейского народа, как и любого другого народа, быть хозяином своей судьбы в своем суверенном государстве» [6]. Хотя в последующих строках Декларации мы видим провозглашение общих принципов равноправия граждан и справедливости ко всем жителям Израиля, независимо от расы, пола и религии, фактическая и юридическая история государства Израиль направила свой вектор в сторону определенного нормативного выделения *jus sanguinis* и, как следствие, большой свободы в осуществлении собственных этнорелигиозных практик евреев, в частности, условий репатриации и приема в гражданство Израиля [7] и регулирования семейно-правовых вопросов по галахическим предписаниям. Позднее, в 1992 году были приняты два основных закона Израиля, которые возвели в принцип «еврейский и демократический» характер государства Израиль [11, с. 429], и на основании данного критерия любой, стоящий ниже по юридической силе нормативный документ может быть подвергнут отмене или изменению Верховным судом Израиля.

Возведение Израилем титульного большинства в большинство нормативное создало целый ряд юридических, этнических, религиозных проблем и дискуссий, самыми популярными из которых остаются противоречия между евреями и арабами и между верующими и неверующими. Формализация (придание нормативного значения) определенной части этнорелигиозных практик евреев привела к отчасти односторонней модели сегментирования, где государством не созданы условия равного осуществления культурных потребностей различных выделяемых этнических групп. Такая выборочная «юридизация» практик явным образом бросается в глаза и, несомненно, вызывает (или даже должна вызывать) споры о строительстве государства граждан [3, с. 128], а не государства евреев. И именно поэтому некоторые аргументы Палестинской национальной хартии действительно выглядят справедливыми, как например: «Иудаизм – религия, а не независимая национальность. Не составляют евреи и единой нации со своей собственной индивидуальностью, так как они – граждане государств, которым принадлежат» [14]. При таком явном совпадении государства и этноса и постановки знака равенства между публичными основаниями политического субъекта и этнорелигиозными ценностями еврейской общины, арабское меньшинство всегда будет считать, что государство не придерживается принципов равенства и терпимости.

Острая критика нормативного положения евреев в Израиле встречается и в работах философского сообщества. Х. Арендт при описании процесса над Адольфом Эйхманом замечала следующее: «Негодование по поводу такого положения дел с 1953 года, когда значительная доля юрисдикции по вопросам семейного права была передана светским судам, стало лишь острее. Теперь женщины в Израиле наследуют собственность и в основном пользуются теми же правами, что и мужчины. Но взору явилось неуважительное отношение к вере и фанатичному религиозному меньшинству, которое не позволяет правительству Израиля заменить закон раввината о браке и разводе светским законом... Но какими бы ни были причины, в наивности, с которой обвинитель клеймил печально знаменитые Нюрнбергские законы 1935 года, по которым запрещались браки и сексуальные отношения между евреями и немцами, было нечто захватывающее дух. Более информированные журналисты хорошо представляли себе всю иронию ситуации, но в репортажах об этом не упоминали. Они полагали, что сейчас не время говорить евреям о несовершенстве законов и институтов их страны» [1, с. 20, 21]. Сравнение Х. Арендт нацистских и израильских законов только лишь отражение нормативных противоречий подобных браков с вытекающими для этого юридического факта последствиями в сфере воспитания и образования детей, накопления и раздела совместно нажитого имущества, наследования и т.д. [4, с. 136].

Израильское сегментирование по-своему уникально в том плане, что в настоящее время политическое и научное сообщество призывает предоставить юридические гарантии национальным меньшинствам, в том числе открыть отдельные сферы жизнедеятельности для регулирования нормами обычного права, тем самым обеспечив сохранение их культур и автономность практик. Мы вряд ли услышим от кого-либо о необходимости предоставления дополнительных правовых привилегий для русских в России, корейцев в Корее или датчан в Дании. Государство Израиль, по-видимому, не поддается на подобную мультикультурную шумиху и не стремится изменить сложившуюся законодательную ситуацию. Для всего же остального сообщества вопрос сегментирования и формализации титульного этноса остается открытым: зачем предоставлять большинству юридические гарантии собственных практик, если его практики и ценности и так исторически восприняты государством в публичных основаниях, и прежде всего в законодательстве? Требуется ли подобное «пол-

ноценное» сегментирование, если титульное большинство, как большинство статистическое, и так имеет большой вес в самом государстве – в его аппарате, республиканских представителях, избирателях и в целом во власти?

Кроме того, можем ли мы назвать в сложившихся обстоятельствах политику Израиля мультикультурной? А. Шахар, выделяя жесткий тип мультикультурализма, указывала на два необходимых критерия его приведения в политической и юридической практике: «Во-первых, государство должно предоставить определенную степень самоуправления меньшинствам, и, во-вторых, государство должно официально учитывать мнение меньшинств в рамках конституционной системы и публичного дискурса» [16, р. 28]. Безусловно, предоставленные гарантии еврейской общине содержат оба этих условия, но не содержат общего для любого из типов мультикультурализма – равенства самих групп. Эталонная модель сегментирования не дает титульному большинству каких-либо преимуществ. Возможно, даже наоборот, очерчивая юридически рамки практик и сферы их влияния, государство в определенном смысле обеспечивает юридическую защиту меньшинствам, не позволяя титульному этносу блокировать противоречащие, по его мнению, практики со ссылками на ценности государства, историческую сопричастность, национальную мифологию или прочие декларации. Закрепление правовой сферы влияния титульного большинства как раз закрепляет равенство всех входящих в гетерогенное сообщество групп, показывает, что титульный этнос входит в состав государства не на особых правах (в данном случае на их отсутствии), а на тех же самых государственных нормах, что и остальные. Формализация большинства может устранить хотя бы частично те проблемы стигматизации, иждивенчества или мнимой государственно-направленной вежливости, которые популярно приписывать национальным меньшинствам и коренным народам, а также направить само сообщество на осуществление принципа разделения государства и этноса.

Но израильский пример явно нестандартен и уникален. Мы не можем сказать, что мультикультурная юрисдикция Израиля, формализуя практики, ограничивает власть еврейского большинства или, что граждане данного государства «страдают» стереотипами иждивенчества национальных меньшинств. Мультикультурная юрисдикция Израиля (и принятие нового основного закона) явно подчеркивает стереотип избранности еврейского народа.

Возможно основной закон «Израиль – национальное государство еврейского народа» еще одна веха создания собственной национальной мифологии. Комментируя принятие закона депутат кнессета Израиля Светлова К. И. сказала, что в основном закон носит декларативный характер и голосование вызвано возможными политическими причинами [2]. Подобные заявления, скорее, могут быть истолкованы, что никаких рациональных причин принятия закона не имелось и меры национальной политики остаются прежними, в том числе по вопросам юрисдикции национальных меньшинств и соотношения гражданских прав с этнической принадлежностью.

Но даже если подобные действия законодательной власти в виде принятия нового закона действительно являются лишь декларацией израильских политиков, внешний наблюдатель (иные государства и этнические группы) все равно воспринимает подобное как вызов или агрессию со стороны Израиля, а вызов всегда порождает ответ. Люди реагируют не только на объективные черты ситуации, но также (а иногда и в первую очередь) на значение, которое эта ситуация имеет для них. А когда они приписывают ситуации определенное значение, их последующее поведение и некоторые из последствий их поведения предопределены этими предписанными значениями [12, с. 606]. И если предписанное значение любых действий Израиля, например, для арабской общины несет в себе агрессию, то независимо от планов, функций и намерений таких действий, его апостериорное значение для еврейской общины будет вероятно более реальным и драматическим.

Более того, реальные последствия для Израиля уже наступили. Трое членов кнессета – этнические друзья, а также политическая партия МЕРЕЦ, подали иски в Верховный суд Израиля об обжаловании указанного закона; Европейский союз, Турция, Лига арабских государств уже выразили свое негодование и осуждение по данному вопросу; 4 августа 2018 года прошли демонстрации, организованные друзской общиной, в г. Тель-Авив против принятия основного закона. Как правило, модель сегментирования «упрощает» административную практику самого государства (классический вариант – система миллетов Османской империи, распределяющая прежде всего административные и фискальные функции среди лидеров общины и, как следствия, распределяющая риски и ответственность). Любое политическое образование, допуская мультикультурные юрисдикции, стремится

снизить собственное бюрократическое и финансовое бремя за счет передачи полномочий общинам. Но судя по новостным сюжетам Израиль лишь увеличивает это бремя, получая дополнительную дипломатическую, правоохранительную и судебную нагрузку.

С другой стороны, мы понимаем, что из-за политической ангажированности практически любых событий, происходящих на Ближнем Востоке, критика законодательства Израиля также становится не совсем адекватной. В совместном заявлении Международной организации по ликвидации всех форм дискриминации и других правозащитных организаций в Совет по правам человека ООН указано об изменении основным законом статуса арабского языка, и тем самым, понижении в статусе арабского меньшинства, а также неоднозначность положений закона о еврейских поселениях, что может отразиться на статусе населенных пунктов на Западном берегу р. Иордан и привести к нарушениям норм международного права [15]. Как указано в ст. 4, 7 закона «Израиль – национальное государство еврейского народа»: «Арабский язык пользуется в государстве особым статусом; упорядочивание использования арабского языка в государственных учреждениях и при обращении к ним будет регулироваться законом. Сказанное в настоящей статье не умаляет фактический статус арабского языка, сложившийся до вступления в силу настоящего Основного закона. Государство видит в развитии еврейского поселенчества национальную ценность, и будет действовать для поощрения и продвижения его создания и упрочения» [13]. Ничто из текста статей и их буквального толкования не может привести к какой-либо дискриминации, политически ориентированные заявления по поводу принятия данного закона вряд ли чем-то отличаются от общего фона отношений арабо-израильского конфликта и сложившегося антисемитизма и антиарабизма соответственно.

Единственно верным тестом проверки мультикультурных принципов и соблюдения равенства групп Израилем по-прежнему остается правовое сосуществование наряду с еврейской юрисдикцией иных этнически отличных компетенций и возможностей беспрепятственного осуществления этнокультурных прав. Как правило, при сегментировании в национальной политике это проявляется наиболее очевидно в регулировании семейных правоотношений. Все полномочия касательно браков и разводов в Израиле находятся исключительно в руках религиозных судов (раввинатских, шариатских, хри-

стианских и друзских). Церемония, проведенная любым, кто не является уполномоченным представителем религиозной инстанции, соответствующей вере обоих супругов, не является действительной и не считается официальным заключением брака [9]. В отношении же иных конфессиональных групп или представителей этнических групп, не придерживающихся религиозных традиций указанных конфессий, Израиль в последнее время предоставляет достаточно широкий спектр способов заключения брака:

1. Гражданский или супружеский союз («брит зугиют») отвечает потребностям пар, в которых оба партнера являются «не имеющими религиозной принадлежности» («хасрей дат»). «Не имеющий религиозной принадлежности», в данном случае, это человек, не являющийся евреем (согласно Галахе), другом, мусульманином или христианином;
2. Совместное проживание без брака (брак де факто, «ядуим бе-цибур»). Как правило, установление статуса «брака де-факто» зависит от двух факторов: наличия совместной половой жизни и ведения общего хозяйства;
3. Брак, заключенный за границей, в настоящее время является основной альтернативой институционализации отношений в Израиле для тех, кто не может или не хочет жениться под эгидой религиозного суда. Государство Израиль признает действительными свидетельства о регистрации брака за рубежом, включая однополые браки и прочие браки, которые невозможно заключить в Израиле. Для гетеросексуальных пар существует множество вариантов заключить брак за границей, без необходимости в иностранном подданстве. Самая распространенная возможность – это брак на Кипре [9].

Безусловно, несмотря на данные способы, нельзя сказать, что модель сегментирования в области семейного права в Израиле является эталонной, например, по-прежнему не разрешена проблема брачных отношений между евреем по Галахе и потенциальным супругом, который по галахическим правилам лишен такого статуса [10] или практические аспекты исполнения брачного законодательства (несмотря на запрет на многожёнство, прописанный в уголовном кодексе - оно карается сроком до 5 лет тюрьмы - в среде бедуинов, проживающих в Израиле, до сих пор распространен этот старинный обычай, и закон по отношению к ним просто не применяют [5]). Однако, законодательные тенденции национальной политики (например, Закон о супру-

жеском союзе принят в 2010 году [8]), а не политически ориентированные основные законы, определяют положение меньшинств и наличие или отсутствие дискриминационных мер в отношении этнических групп. На сегодняшний момент, было бы по крайней мере преждевременным заявлять о смене курса национальной политики в связи с принятием нового основного закона, и точно было бы неверным утверждать, что он каким-то образом нарушает этнокультурные права друзов или арабов в государстве Израиль.

По итогам рассмотрения отдельных аспектов мультикультурализма Израиля, мы можем выделить ряд наиболее ярких его особенностей. Во-первых, мы определяем, что национальная политика данного государства использует модель сегментирования, которая формализует группы по этноконфессиональному признаку и передает часть публичных полномочий, в том числе с распорядительными функциями (в данном случае — принятие по закрепленным сферам ответственности окончательного решения), общинам, как правило, в части касающейся брачных отношений. Во-вторых, в правовой и политической сферах еврейское большинство выделено государством особо в качестве основного населения страны и носителя исторических ценностей Израиля. Подобное, безусловно, критически оценивается нами с точки зрения мультикультурализма, так как нарушает принципы равенства групп, разделения государства и этноса, а также приводит к размытости понятия «гражданство» и смешению понятий «национальный» и «этнический». И в-третьих, в связи с сильной политической ангажированностью общества Израиля, общим фоном которого выступает арабо-израильский конфликт, мультикультурные юрисдикции данной страны нельзя жестко фиксировать лишь как меры внутренней политики или чисто юридическое решение этнокультурных конфликтов, сегментирование сообщества здесь приобретает слишком явное политическое и дипломатическое значение.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. Москва: Европа, 2008.
2. *Баранов А.* Зачем в Израиле принят закон о национальном еврейском государстве. Ответы на главные вопросы [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 25.09.2018).

3. *Барнави Э.* Мифология национальная // Евреи и XX век: аналитический словарь. Москва: Текст: Лехаим, 2004.
4. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
5. *Гамбарян А.* Семейное право в Израиле [Электронный ресурс]. URL: http://loveisrael.ru/articles/family_law (дата обращения: 24.09.2018).
6. Декларация независимости Израиля от 14.05.1948 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=164> (дата обращения: 24.09.2018).
7. Закон о возвращении Израиля от 05.07.1950 г. [Электронный ресурс]. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/LawOfReturn_ru.htm (дата обращения: 24.09.2018).
8. Закон Израиля о супружеском союзе для граждан без конфессиональной принадлежности от 15.03.2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justice.gov.il/Units/RasamHazugiut/MarriageRegistrar/Documents/RussianRelationshipLaw.docx> (дата обращения: 24.09.2018).
9. *Калаи Х.* Браки и разводы [Электронный ресурс]. URL: <http://bfree.org.il/браки-и-разводы> (дата обращения: 24.09.2018).
10. *Кириштейн В.* Революция в семейном законодательстве Израиля [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/sem/3288> (дата обращения: 24.09.2018).
11. *Клейн К.* Интеграция и гражданство: израильская идентичность. Э. Барнави, С. Фридлендер (ред.). Евреи и XX век: аналитический словарь. Москва: Текст: Лехаим, 2004.
12. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
13. Основной закон Государства Израиль «Израиль – национальное государство еврейского народа» от 19.07.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/BasicLawNationState_ru.htm (дата обращения: 24.09.2018).
14. Палестинская национальная хартия от 10.07.1968 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=87> (дата обращения: 24.09.2018).

15. Joint written statement submitted by the International Organization for the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Basic Law: Israel as the Nation-State of the Jewish People. A/HRC/39/NGO/156 от 11.09.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/G18/272/89/PDF/G1827289.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.09.2018).
16. *Shachar Ayelet*. Multicultural jurisdictions: cultural differences and women's rights. First published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge.

R E F E R E N C E S

1. *Arendt H.* The banality of evil. Eichmann in Jerusalem. Moscow: Europe, 2008.
2. *Baranov A.* Why in Israel a law was adopted on the national Jewish state. Answers to the main questions [Electronic resource]. URL: (accessed date: 09/25/2018).
3. *Barnavi E.* Mythology national // Jews and the 20th century: an analytical dictionary. M.: Text: Lechaim, 2004.
4. *Benhabib S.* Claims of culture. Equality and diversity in the global era. M.: Logos, 2003.
5. *Gambaryan A.* Family Law in Israel [Electronic resource]. URL: http://loveisrael.ru/articles/family_law (accessed September 24, 2018).
6. The Declaration of Independence of Israel dated 05/14/1948 [Electronic resource]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=164> (accessed September 24, 2018).
7. Law on the Return of Israel of 07/05/1950 [Electronic resource]. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/LawOfReturn_ru.htm (accessed September 24, 2018).
8. The law of Israel on the marital union for citizens without confessional affiliation of March 15, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.justice.gov.il/Units/RasamHazugiut/MarriageRegistrar/Documents/RussianRelationshipLaw.docx> (accessed September 24, 2018).
9. *Kalai H.* Marriages and divorces [Electronic resource]. URL: <http://bfree.org.il/marriage-divorce> (date of access: 09.24.2018).

10. *Kirshtein V.* The revolution in the family law of Israel [Electronic resource]. URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/sem/3288> (accessed September 24, 2018).
11. *Klein K.* Integration and Citizenship: Israeli Identity. E. Barnavi, S. Friedlander (eds.). Jews and the 20th Century: An Analytical Dictionary. M.: Text: Lechaim, 2004.
12. *Merton R.* Social theory and social structure. M.: AST Moscow: Guardian, 2006.
13. The basic law of the State of Israel “Israel is the national state of the Jewish people” of July 19, 2018 [Electronic resource]. URL: http://knesset.gov.il/laws/ru/BasicLawNationState_ru.htm (accessed September 24, 2018).
14. Palestinian National Charter of 07/10/1968 [Electronic resource]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=87> (accessed September 24, 2018).
15. Joint written statement submitted by the International Organization for the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Basic Law: Israel as the Nation-State of the Jewish People. A / HRC / 39 / NGO / 156 of September 11, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/272/89/PDF/G1827289.pdf?OpenElement> (accessed September 24, 2018).
16. *Shachar Ayelet.* Multicultural jurisdictions: cultural differences and women’s rights. First Published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge.

19 сентября 2019 г.
